

• Автор: [Виктория Полторацкая](#)

[Аполитичный протест](#)

Митинг против реновации, прошедший в Москве 14 мая, запомнился не столько массовостью и лозунгами, сколько скандалом вокруг Алексея Навального и его семьи, которых полиция вывела с митинга. Чуть позже [выяснилось](#), что организаторы заранее планировали акцию как «неполитическую», и именно в таком виде согласовали ее с мэрией. Навальный в таком контексте, конечно, выглядит неуместно. Его имя стало лакмусовой бумажкой того, что сейчас в России зовется политикой, т.е. борьбы за власть с теми, кто владеет ей практически монопольно.

Дихотомия «политического» и «неполитического» в случае с митингом 14 мая многое говорит о том, как обстоят дела с политическим участием в современной России в целом. Политика начинает пониматься россиянами, с одной стороны, как очень формализованный институт, выражающийся в партиях, лозунгах и флагах, а с другой – как борьба за власть на выживание. В борьбе, которую россияне считают по-настоящему политической, победитель получает все, ну или как минимум претендует на все. Под «все» в этом контексте понимается либо пост президента, либо партия большинства в парламенте.

К 2017 году, по данным «Левада-Центра», число россиян, заявляющих о своей неготовности прямо участвовать в политике, [достигло 52%](#) (еще 28% «скорее не готовы»). Это рекордные цифры, и они показывают, что участие в политическом поле стало для современной России антонимом опции «полагаться на себя». Любой контакт с властью – как через бюрократические институты, так и через процедуру выборов – выглядит для населения менее предпочтительным вариантом. В том же 2017 году 30% респондентов «Левада-Центра» ответили, что «политика не для рядовых граждан, политикой занимаются власти», еще четверть оказались убеждены, что «ничего изменить нельзя». В таком патерналистском поведении отражается то, как население понимает категорию «власть». А борьба за эту власть отвечает требованиям современного политического режима в стране, где нет плюрализма политических предпочтений, а игрок непременно должен быть в единственном числе.

Выход на митинг становится политическим ровно в тот момент, когда выходящий начинает покушаться на эту монополию. Любая другая форма участия допускается как приемлемая, а сообщество митингующих подчеркивает роль власти как арбитра, готового примирить, решить проблему или помочь, если очень хорошо и масштабно попросить. Последним масштабным «политическим» митингом была акция «Марш миллионов» на Болотной площади 6 мая 2012 года. Лозунг «Россия без Путина» стал общенациональным символом того, за что можно сесть в тюрьму или получить дубинкой от ОМОНа.

Если посмотреть на послы и лозунги всех остальных протестов, то мы увидим, что власть выступает в них не объектом, а скорее адресатом. Особенно ярко и противоречиво это выглядело на митингах 26 марта: протестующие подчеркивали, что выступают против коррупции, а не против власти или за чью-то кандидатуру. Апелляция к конкретным неполитическим требованиям и работа с проблемами, которые актуальны для ежедневной жизни любого россиянина, сместили фокус протеста с политического на более бытовую. В этом смысле Навальному удалось вывести на улицу не столько своих сторонников, сколько тех, кто недоволен проблемой воровства. Среди протестующих были люди, вышедшие с плакатами, апеллирующими к Путину как к тому, кто разберется в ситуации. Важна еще и фигура, против которой протестовали: россияне видят в Медведеве обычного ставленника, слабую и податливую, а потому аполитичную фигуру. Те же [опросы](#) «Левады» демонстрируют разительное отличие в уровне

доверия премьер-министру и президенту: Путин пользуется [поддержкой 82%](#) граждан, в то время как Медведеву доверяют лишь 33% (не доверяют 52%), а 45% выступают за его отставку. При этом, хотя недоверие россиян к Медведеву после мартовских протестов немного возросло, «нелюбовь» к нему все же является устойчивой тенденцией, характерной и для предыдущих лет.

Абсурдность ситуации в том, что акции, предполагающие противостояние власти (митинг, протест, выход на улицу), в своей логике подразумевают участие в политике, политическое действие. Это не борьба за власть в сугубо узком, радикальном и формалистском понимании, но влияние на нее. Однако это влияние выводится россиянами из политического поля, если проблемный вопрос касается повседневности, быта, ежедневных проблем, приземленных и конкретных. Политика остается делом для тех, у кого уже есть какие-то ресурсы, какая-никакая, но власть. Политика становится элитарной, не для народа, не для тех, кто каждый день встречается с коррупцией или чью частную собственность пытаются снести. У политиков проблемы более высокого, оторванного от бытовой реальности порядка: проблемы дележки ренты и проблемы занимаемых постов.

Такое элитарное и патерналистское понимание политики создается во многом усилиями самой власти. Политическая деятельность в риторике того же Медведева обязательно нацелена на достижение «корыстных интересов», т.е. по сути определяется как «грязное дело». Нашумевший клип на песню «Малыш» бывшей вокалистки группы «Ленинград» Алисы Вокс (клип, призывающий школьников «учить матчасть», а не лезть в политику, был [заказан](#) бывшим сотрудником администрации президента) вкупе с массовыми воспитательными лекциями в школах по всей стране ярко демонстрируют, насколько важно для действующей власти вывести общественность из политического участия. В этой риторике подчеркивается: самое страшное, что может произойти в противостоянии с властью за бытовой комфорт – это появление в этом противостоянии политических намерений, тех самых «корыстных интересов».

В страхе перед всем «политическим» кроется опасная наивность: проблемы в отношении народа с политиками должны решаться точно и в обход системы, не изменяя общего положения дел. Коррупция должна уйти вместе с одним конкретным Медведевым, частная собственность должна быть спасена именно для жителей этих пятиэтажек. У такого взгляда на проблему нет системности или есть страх эту системность осознать. В противном случае задача выглядит слишком опасной и масштабной, практически нерешаемой. Масштабная и нерешаемая – значит политическая, не для народа, а для других смельчаков с ресурсами и возможностями.

Политика случается еще и там, где существует проблема формальных политических институтов. Сбой в выборном процессе или повестка вокруг партий – это тоже политика. Митинги после парламентских выборов 2011 года были в этом смысле сугубо политическими. Именно поэтому важнейшей задачей перед выборами 2016 года было создание ощущения всеобщей скуки и апатии, выведение политики из сферы занимательного и интересного в сферу скучного и бесполезного. Для этого был предпринят целый ряд превентивных шагов: перенос выборов с декабря на сентябрь, обеспечивший период агитации на время отпусков и дачного сезона; аналогичный перенос дня голосования на теплый сентябрьский уикенд; специфическая нарезка округов в крупных городах и попытка провести выборы без громких фальсификаций. Результат, выраженный в рекордно низкой явке, вполне удовлетворял целям – выборы оказались деполитизированы и никому не интересны.

Такая деполитизация политики (или старательное выстраивание дистанции между народом и властью) выглядит как хорошая стратегия защиты своих политических позиций. Собянину и мэрии Москвы хорошо известно, что они не представляют москвичей. Хорошо это известно и самим москвичам. Отсюда вытекает невозможность требовать политической ответственности у тех, с кем потеряна электоральная связь: в деполитизированной политике нет избранного народом парламента, есть абстрактная власть, которая выше по статусу и могущественнее по полномочиям. С такой властью нельзя разговаривать никак иначе, кроме как с просьбами помочь и спасти.

теги

[protests](#)

[renovation](#)

[corruption](#)

категории

Politics

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu